

Информационная экономика и пути развития России

О.И. ШКАРАТАН

К одной из своих недавних статей я выбрал эпитафией слова писателя Георгия Владимова: «Немцы выигрывают все сражения, кроме последнего; русские же — напротив, все проигрывают, — кроме последнего. Эту черту признает мир и восхищается ею, пусть бы он презирал все другие, — способность упереться на последнем рубеже и от него начать по-другому. Эта черта, пожалуй, устрашающее для недругов нашей Свободы, пытающихся нас загнать обратно, откуда мы сумели вырваться. Может быть, мы им проиграем все бои. Кроме последнего». Блистательное качество. При борьбе за независимость необходимейшее. Однако, дорого оно, это качество, обходится самому народу. Ведь не раз и не два победы оборачивались в долгосрочном измерении поражением из-за неимоверной цены, за них заплаченной. Воистину пирровы победы. Взвешенно и лишь в крайних случаях должны правящие круги апеллировать к чудодейству нации, чтобы не истощить ее силы, не истончить ее генофонд. Какими свойствами национального характера, национальной ментальности были заданы эти победы — поражения?

Об этом писал блистательный знаток России, ее культуры, ее истории Дж. Биллингтон: «Не раз русские пытались завладеть плодами других культур в одночасье, без переходного процесса медленного роста и глубинного понимания. Россия приняла византийское наследие, так сказать, оптом, не вникая в подробности и не усвоив традиций спокойных, сдержанных философских рассуждений. Дворянство переняло язык и стиль французской культуры, но не ее критический дух. Радикальная интеллигенция благоговела перед западной наукой XIX в., однако ж не воссоздавала ту атмосферу свободной критики, которая и сделала возможным научный прогресс» [Биллингтон 2001а, с. 687].

Я думаю, что вся история сомнительного по своей результативности реформирования экономики и социальной сферы в постсоветской России является прямым продолжением этой несчастливой линии «завладения плодами других культур в одночасье».

Сейчас, когда мир втягивается в сумасшедшую гонку — соревнование в захвате места под солнцем глобальной информационной экономики, это качество при всей его успокоительности (в конечном-то итоге, видимо, победим) может сыграть в судьбах России роковую роль. В мире существуют значительные области, не включенные в современную технологическую систему. Различное время доступа к технологической силе для людей, стран и регионов является

Информационная экономика и пути развития России

критическим источником неравенства в современном мире. Своеобразная вершина в этом процессе — угроза исключения целых национальных и даже континентальных экономик из мировой информационной системы, а соответственно — и из мировой системы разделения труда. В этом контексте стоит вопрос и о будущем России. И, боюсь, что решение будет в стиле, предугаданном Биллингтоном — рывок без подготовительного процесса органического освоения духа и атмосферы информационного общества и информационной экономики, без опоры на корневые традиции национальной культуры.

Здесь необходимо остановиться на проблеме, отношении к которой во многом и предопределило неоправданно высокую цену проводимых реформ. Речь идет об этнокультурной специфике как фактору экономического развития. Является ли этнокультурная специфика фактором экономического развития, фактором эффективности трудовой деятельности? Этот вопрос скрытно присутствовал во всех дискуссиях, шедших с конца 1980-х гг., относительно путей развития страны. Среди сторонников либерального выбора преобладала убежденность в том, что никакая этнонациональная специфика, никакие цивилизационные характеристики не имеют значения при определении экономической стратегии. В реальной политике экономических преобразований в стране восторжествовал дух чистейшего универсализма. Внеэкономические институциональные факторы экономического роста игнорировались. Были отброшены результаты исследований по сравнительной социологии цивилизаций, сравнительному менеджменту, современной институциональной экономической теории.

Пока в стране господствовали либеральные иллюзии (где-то до середины 1990-х годов, переломным же явился дефолт 1998 г.), мир и Россия (пусть и с запозданием) обнаружили феномен нового экономического гиганта — Китая. Сейчас в китайских деревнях можно наблюдать двухэтажные дома и хорошие телевизоры в них, а не выяснять, как в русских деревнях, хотят ли и могут ли крестьяне взять в обработку дополнительный участок земли или выращивать второго бычка. При этом всем наблюдателям совершенно очевидно, что китайцы совершают свое экономическое чудо с опорой на традиции своей древней цивилизации, строящейся на принципиально иных основах, чем цивилизация США и Европы. Это — не индивидуалистическая, а коллективистская цивилизация, также как и японская.

Мы имеем дело с конкуренцией двух доминирующих в мире ценностных систем в их национальных и локальных вариантах, и неизвестно, какая из них предпочтительней. А что ценностные системы являются определяющими при построении проекта жизни любого общества вполне убедительно доказал великий социолог XX в. Толкотт Парсонс, и нет смысла возвращаться к его концепции центральной ценностной системы как определяющей, одухотворяющей если угодно, проект жизни любого общества. Доминирующая проблема в современном мире — это идентификация. Именно после того, как перестало существовать противопоставление двух социально-экономических и политических систем (капиталистической и стэйтистской [этакратической]), культурно-цивилизационная, конфессиональная, этническая идентификация вышла на первый план [Геллнер, Castells 1997]. В достаточно близкой исторической перспективе предстоит столкновение вершинно-индивидуалистического атлантического проекта, возглавляемого США, и коллективистского, возглавляемого

Китаем. Разумеется, совершенно не обязательно, что это столкновение должно принять трагические формы.

Здесь и встает вопрос о характере мирового развития, соотносимом нами с судьбами России, перспективами ее собственного завтра. Не первый раз в истории России правящие группы ставят общенациональной целью «догоняющее развитие» страны. При этом не имеет значения: берется ли за образец Германия, США или Португалия. Важен принцип, при котором страны мира делятся на «эшелоны» как ушедшие вперед, так и следующие в фарватере, стремясь догнать находящихся впереди. Правда, «догнать» у подавляющего большинства так и не получается. Но главное даже не в этом. **Идея «догнать» в этом случае предполагает однолинейность исторического развития всего человечества, единство критериев успешности жизнедеятельности национально-государственных организмов.**

Однако идее «однолинейности», по крайней мере, со времен Н. Данилевского, **противостоит идея «рядоположенности» цивилизаций, обладающих наряду с универсальными и специфическими целями и критериями успешности воспроизводства своей жизнедеятельности (не всегда выраженного в развитии).** Признание параллельного развития стран разной цивилизационной принадлежности не означает отрицания универсальности технологий жизни в самом широком смысле этого понятия. Ценностные же системы, задающие саморазвитие социальным организациям, свойством универсальности не обладают.

Обычно сторонники линейной концепции поддерживают проект либеральной модернизации России. На аргументы, подобные высказанным выше, они отвечают полным отрицанием влияния культурно-цивилизационной среды на характер и направленность экономического развития той или иной страны; сторонников же учета этих средовых факторов они обвиняют в антиреформаторских обскурантистских идеях. Так ли это на самом деле? Задумаемся, кто и что препятствует динамичному развитию России, почему с огромной быстротой возрастает наше отставание не только от стран G-7, но и от большинства стран Центральной и Восточной Европы?

По мнению авторитетных специалистов, в современной глобальной экономике новейшее международное разделение труда тесно взаимодействует с этнокультурным разнообразием организационных форм и экономического поведения, имеющих различное институционально-культурное происхождение. Развитие национальной экономико-отраслевой структуры, инкорпорированной в глобальную экономику, предполагает учет и использование этнокультурных особенностей человеческих ресурсов, особенно их инновационного потенциала.

Приведу несколько небезызвестных примеров из зарубежного опыта, подтверждающих, что развитие глобальной экономики не погашает а, напротив, усиливает культурное и институциональное разнообразие наций/обществ, стимулируя в то же время их взаимозависимость.

Это демонстрирует анализ существенных различий даже среди наиболее продвинутых стран («большая семерка»), где можно выделить две доминирующие модели информационной экономики. Первая — «модель экономики услуг» представлена США, Великобританией и Канадой; вторая — «модель индустриального производства» — Японией и Германией. Франция в этой классификации занимает промежуточное положение, склоняясь к первой модели. Италия же формирует, видимо, некую третью модель, основанную «на сетях мелких и

Информационная экономика и пути развития России

средних фирм, приспособленных к меняющимся условиям глобальной экономики, и [где — О. Ш.] готовится почва для своеобразного перехода от протоиндустриализма к протоинформационализму» [Кастельс 2000, с. 222—225]. Западные авторы предлагают и другие классификации [Лэйн 2000], из которых во всех случаях следует один и тот же вывод — о разнообразии моделей современной экономики в наиболее развитых странах мира. Тем более нелепыми выглядят многолетние усилия радикал-либералов вогнать Россию в наименее подходящую ей американскую модель развития.

Первой страной за пределами европейского культурного ареала, достигшей высочайших результатов в экономическом развитии, была Япония. Ведущие аналитики пришли к однозначному выводу, что немалую, если не определяющую, роль в ускоренном развитии послевоенной Японии сыграло квалифицированное руководство, учитывавшее в числе прочего и национальные особенности японского работника. Так, проводя экономические реформы (после Второй мировой войны), японские элиты не стали уничтожать отличавшуюся высокой солидарностью общину — архаистскую коллективистскую структуру, а, напротив, использовали ее как канал реализации целей государства. Ведь община могла ответить на задачу либерализации экономики лучше, чем еще не сформировавшийся индивид и еще не сложившееся гражданское общество [Китахара 1996; Сакаия 1992; Пронников, Ладанов 1983].

Конечно, модернизация общества и экономики в Японии была следствием долгого и кропотливого изучения западного (а по ряду направлений и российского) опыта. Но мировое значение японских преобразований в том, что в Японии старые ценности явились источником институтов современности. Соединение культурной традиции с достижениями индустриального мира привело к тому, что Япония стала первой древней цивилизованной страной, осуществившей скачок в современность.

При рассмотрении новых стратегий перестройки деловых организаций в процессе перехода капитализма от индустриализма к информационализму (1980—2000-е гг.) многие авторы отмечают первостепенное значение новых методов менеджмента, родившихся на японских фирмах в контексте японской национальной культуры. Это же относится к эффективным результатам деятельности китайской организации бизнеса, основанной на семейных фирмах и кроссекторных деловых сетях, часто контролируемых одной семьей [Кастельс 2000; Castells 1998, p. 206-309].

Наиболее эффективными для современных обществ оказались системы ценностей, связанные с протестантской, буддистско-синтоистской и конфуцианской этиками, т. е. со специфическим отношением к труду как к обязанности, долгу и призванию человека. И хотя эти этические нормы были выработаны рядом западноевропейских и восточноазиатских обществ, работы социологов, социальных психологов, специалистов по менеджменту показывают, что и в обществах с иной культурной традицией возможно целенаправленное формирование соответствующих ценностно-мотивационных структур [McClelland, Winter 1960; Shaiken, Herzenberg 1987; Pux 1996; Коваль 1993; Коваль 1994а; Коваль 1994б; Льюис 1999; Колесникова, Перекрестов 2000].

Как справедливо отметил М. Кастельс, *веберовский анализ корней капиталистического развития впоследствии был поставлен под вопрос учеными, которые убедительно указывали на альтернативные исторические формы, поддер-*

живавшие капитализм столь же эффективно, как англосаксонская культура, хотя и в иных институциональных формах [Кастельс 2000, с. 194].

Среди всех элементов национальной культуры на деятельность человека в современной экономике в наибольшей степени влияют система ценностей данного общества, социальные нормативы и трудовые традиции, сформировавшиеся в течение всей истории данного народа.

Русский народ, конечно же, не составляет исключения. Но за долгие годы советского режима среди многочисленных этнологических работ по народам СССР, в том числе и по народам Российской Федерации, белым пятном была область исследований по русскому народу. Я здесь не комментирую причин такой странной ситуации, однако ко времени распада Советского Союза реальных данных, необходимых для коррекции экономической и социальной политики в контексте этнокультурной специфики доминирующего государствообразующего этноса России, не было.

Между тем особую роль в формировании человеческого капитала, прежде всего, его инновационной составляющей, играет национальная культура, формирующая устойчивые поведенческие стереотипы работника. Сейчас во всем мире распространены прикладные социолого-антропологические исследования этнических особенностей человеческих ресурсов. Транснациональные корпорации за последние десятилетия при организации производств обязательно привлекают данные об этнокультурных особенностях будущих работников. Из отдельных черточек и характеристик специалисты синтезируют обобщенные портреты «типичного работника» — японца, китайца, египтянина и т. д. В соответствии с этими данными и планируется вывоз капитала, проектируется система трудовых стимулов, конструируется оптимальная отраслевая структура.

Редкостное исключение составляет Россия, которая десятилетиями, если уже не столетиями, упорно примеряет чужеземные «одежки» менеджмента, чужеземные модели экономического развития без желания отделить универсальные черты организации экономики от ее институционально-культурной специфики, универсальные требования к рабочей силе от учета ее этнокультурного своеобразия.

Обычно для объяснения эволюции трансформирующегося постсоветского российского общества в качестве теоретико-методологического подхода использовалась лишь теория модернизации. Получившие ко времени российских реформ такие объясняющие эволюцию развивающихся стран подходы, как теория зависимого развития и теория эндогенного развития, даже не упоминались. Практически игнорировался опыт различных по цивилизационным и историко-экономическим характеристикам стран мира с высокими показателями экономической динамики, за вычетом англо-американской модели.

Хотя печальный опыт 1990-х гг., казалось бы, является убедительным свидетельством правоты сторонников рационального сочетания универсализма и партикуляризма, обсуждения этой болезненной проблемы не завершены и поныне [Материалы «круглого стола» 2000—2001].

Эта ситуация не случайна. Науки об обществе по своему происхождению и содержанию носят европоцентристский характер. Доминирующие в мировой экономической и социологической науках теории и категориальный аппарат могут быть однозначно поняты и интерпретированы только применительно к обществам, строящимся на частной собственности, гражданских отношениях и

Информационная экономика и пути развития России

индивидуализме. Но они неадекватно отражают реалии обществ, обладающих другими институциональными структурами, другими культурами, другими социально-экономическими отношениями. Это относится и к марксизму с его теорией сменяющихся социально-экономических формаций, и к либерализму, также признающему безальтернативность пути развития — от традиционного общества — к частнособственническому, буржуазному, или (по Ф. Фукуяме) — от родоплеменного к рабовладельческому, от последнего — к теократическому, и, наконец, — к венцу исторического пути человечества — к демократически-эгалитарному [Фукуяма 1990; Fukuyama 1992]. При этом страны и народы оцениваются как находящиеся в разных «эшелонах» (на разных ступенях) движения к единому идеалу — универсальной западной демократии и либерально-капитализму.

Все существующее ныне в мире разнообразие линий общественного развития в конечном итоге основывается на различиях двух доминирующих типов цивилизации, которые условно можно именовать европейским и азиатским. Первый идет от античного полиса; это цепочка обществ, которые характеризуются частной собственностью, балансом отношений «гражданское общество — государственные институты», развитой личностью и приоритетом ценностей индивидуализма. Второй тип исторически связан с азиатскими деспотиями, доминированием государственной собственности, всевластием государственных институциональных структур при отсутствии гражданского общества, подданством, приоритетом общинных ценностей при подавлении индивидуальности. В мировой истории в общем-то и пространственно, и во времени преобладал второй тип цивилизации. Какое место в этом взаимодействии двух доминирующих макроцивилизаций занимает Россия?

Отечественные авторы Ю. Пивоваров, А. Фурсов [Пивоваров, Фурсов 2001], И. Чубайс [Чубайс 1998, Чубайс 2000], А. Сусоколов [Сусоколов 1994], В. Межуев [Межуев 2000; Межуев 2001] и многие другие отмечают решающую роль следующих факторов специфичности отечественной истории, организации экономической и социальной жизни, национальной культуры и менталитета: рассредоточение населения на огромных пространствах и изначально слабые связи между территориальными общностями; исключительная значимость борьбы за выживание в условиях сурового северного климата; наконец, и это самое важное, многовековой процесс собирания земель, т. е. экстенсивный рост на протяжении примерно 600 лет. Постоянная территориальная экспансия требовала государственности в форме самовластия и милитаризации страны, а как следствие — огромного напряжения народных сил.

Представляется существенным принять во внимание концепцию Ю. Пивоварова и Ф. Фурсова, согласно которой системообразующим элементом русской истории выступает «Власть — не политическая, государственная или экономическая, а Власть как метафизическое явление. Власть вообще. Она рушилась всякий раз, когда приобретала слишком много государственных, политических или классовых черт. Она рушилась и рушила все вокруг себя, как только начинала преобразовывать русскую реальность на несоответствующий этой реальности западный манер — буржуазный или антибуржуазный...» [Пивоваров, Фурсов 1999а, с.188—189]. По их мнению, такие властные отношения — результат влияния ордынского господства на Русь. Именно Орда принесла на Русь принцип: «власть — все, население — ничто»; власть — единственно значимый

социальный субъект [Пивоваров, Фурсов 1999а, с.189—190]. Получается, что ордынское нашествие как бы изменило национальный генетический код с европейского на какой-то иной. «...Ордынское иго не просто изменило властные отношения на Руси — оно выковало, вылепило принципиально нового, невиданного доселе в христианском мире субъекта-мутанта.

Дело в том, что в домонгольской Руси власть была рассредоточена между углами четырехугольника: князь — вече — боярство — церковь ... ни в одном случае князь не был единственной властью — Властью с большой буквы, и в целом ситуация была похожа на европейскую.

...Проблему решила Орда. Именно ее появление обеспечило тем князьям, которые шли на службу ордынскому ордынцу — Александру Невскому, а затем московским Даниловичам, — ту массу насилия, которая обесценивала властный потенциал боярства и веча...

...Христианский мир носит полисубъектный характер по определению. Субъектность предполагает наличие двух и более сторон. В христианском мире, а Русь была его частью, субъектны индивиды, корпорации (цехи, университеты), города, монархи. Орда создала на Руси такую ситуацию, когда единственным субъектом стала Власть. Да еще церковь — по поручению Власти» [Пивоваров, Фурсов 1999б, с.182-183].

Ордынская система на смену формировавшемуся, но еще не сложившемуся феодальному классовому обществу привела вместе с азиатской деспотией и азиатский (государственный) способ производства, и рыхлую бесклассовую социальную структуру социума без частной собственности, без социальных групп собственников.

Лишь во второй половине XVIII в. возникла частная собственность на землю и другое имущество наряду с гражданскими правами для привилегированного меньшинства. В 1762 г. император Петр III издал указ, по которому дворяне были освобождены от обязательной службы с сохранением прав на землю. Можно считать, что с этого времени в России появился класс свободных подданных, не зависевших от государства. В 1785 г. Екатерина II подписала знаменитую Жалованную грамоту дворянству, по которой «благородное российское дворянство» получило в полную и неотчуждаемую собственность свои владения, т. е. земли, заселенные крестьянами. Произошло это на шесть столетий позже, чем в Англии. Грамота декларировала «вольность и свободу дворян», добровольный характер их службы государству. В том же 1785 г. Екатерина II подписала Жалованную грамоту городам. Горожане были разделены на два сословия — купцы и мещане. И те и другие могли владеть и пользоваться движимой и недвижимой собственностью.

Что же касается основной массы населения — крестьянства, то их превращение в собственников обрабатываемой ими земли так и не завершилось вплоть до 1917 г. Реформы П.А. Столыпина не успели трансформировать члена сельской общины в независимого фермера.

Анализ совокупности данных по экономическому и социальному развитию России в XVIII — начале XX в. [Пайнс 2000, с. 248—249, 251; Миронов 2000] позволяет сделать вывод, что **в канун Октябрьского переворота, несмотря на огромные успехи в становлении социально-экономических форм капитализма, европейская линия в развитии России еще не победила. Ключевым здесь было то**

Информационная экономика и пути развития России

обстоятельство, что для большинства россиян частная собственность еще не стала традицией. Эта двойственность сложившихся тенденций развития страны помогает понять, почему именно в России на собственной национальной почве, не привнесенный извне, победил режим, сломивший буржуазное, собственническое общество, складывавшееся в стране, приведший к торжеству азиатской линии развития. Эта же двойственность тенденций развития страны объясняет, почему большевизму пришлось прибегнуть к уничтожению десятков миллионов людей для «строительства социализма», а на деле — для торжества азиатской линии развития.

Россия, по всей своей истории и географии, столетиями являлась евразийским обществом, то стремившимся сблизиться со своими европейскими соседями, то тяготевшим по всему строю жизни к азиатскому миру. Это была (со времен Золотой Орды) страна пограничной цивилизации.

Многие авторы обратили внимание на сходство сущностных черт так называемого советского социализма и той системы, которую К. Маркс называл «азиатским способом производства», а современные нам исследователи предпочитают (и с полным на то основанием) именовать «государственным способом производства» (отсылаю в этой связи к работам отечественных авторов — Л.С. Васильева, Р.М. Нуреева, А.В. Пименова [Васильев 1994; Нуреев 1989; Пименов 1999]). Сходство действительно обескураживающее. С точки зрения исследуемого нами вопроса, это обнаруживаемое родство может помочь пониманию и объяснению особенностей эволюции постсоветской России в контексте современной русской ментальности, ценностной системы и реального экономического поведения.

Советское и раннее постсоветское российские общества мы оцениваем как особую социально-экономическую и политическую систему, не относящуюся ни к капиталистическому, ни к социалистическому типу. Этакратизм — самостоятельная ступень и параллельная ветвь исторического развития современного общества со своими собственными законами функционирования и развития. С утверждением этакратизма историческое развитие как бы закладывает виток гигантской спирали, на котором вновь формируются общества властного типа. Характеристики этакратического бесклассового общества — обособление собственности как функции власти, доминирование отношений типа «власть-собственность»; преобладание государственной собственности, процесс постоянного углубления огосударствления; государственно-монополистический способ производства; административно-плановая система; доминирование централизованного распределения; экономика дефицита; развитие неформальной экономики; зависимость развития технологий от внешних стимулов (технологическая стагнация); милитаризация экономики; сословно-слоевая стратификация иерархического типа; корпоративная система как доминирующая форма реализации властных отношений; социальная мобильность как организуемая сверху селекция преданных системе людей; отсутствие гражданского общества, правового государства и соответственно наличие системы подданства, партократии; имперский полиэтничный тип национально-государственного устройства [Шкаратан 2000].

Отнесение России к обществам этатистского (этакратического) типа дает лишь первое приближение к объясняющей концепции национальной культуры

в ее влиянии на трудовую этику, производственное поведение и специфику русского менеджмента. Обращение к работам социальных философов, историков, социологов дает возможность вычленив Россию и русских из общей массы стран и народов с этатистской исторической судьбой, перейти от слишком обобщенной типологии (Запад—Восток) к более предметной типологии локальных цивилизаций. В каждый момент времени существует некая совокупность локальных цивилизаций, которые обычно выстраиваются вокруг мировых религий. В этом контексте Россию можно уверенно отнести к православной цивилизации, в которой она столетиями занимала лидирующие позиции [*Хантингтон* 1995, с. 5; *Хантингтон* 1994, с. 37—38; *Яковенко* 2002, с. 11—19; *Пастухов* 1992, с. 59-75; *Межуев* 2001, с. 287-301].

Деятелями культуры Запада Россия воспринималась как страна иного, неевропейского порядка. Многие наблюдатели приходили к выводу, что Россия — некий евразийский гибрид, в котором нет четких признаков ни той, ни другой части света. О. Шпенглер утверждал, что Россия — кентавр с европейской головой и азиатским туловищем. С победой большевизма «Азия отвоевывает Россию, после того как Европа аннексировала ее в лице Петра Великого» [*Шпенглер* 1993, с. ПО]. Интересно, что Россия тем же автором воспринималась как еще «не завершенная» культура. В построенной им типологии мировых цивилизаций О. Шпенглер относил Россию к «назревающей», становящейся культуре, которой еще только предстоит заявить о себе в полный голос, в той мере, в которой позволит это сделать огромный потенциал ее роста.

Однако Шпенглер, по справедливому суждению П.А. Сорокина, в своей философии истории и в оценке России повторял все основополагающие постулаты выдающегося русского историка и социолога Н.Я. Данилевского [*Sorokin* 1951, р. 359; *Пивоваров* 1992, с. 167—168]. Мысль о том, что Россия еще не завершила свое цивилизационное строительство, но, напротив, во многом только начинает свое шествие, подробно развита в знаменитом труде Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869), в котором он изложил теорию культурно-исторических типов. По его мнению, России еще только предстоит сформировать свою цивилизацию, основанную на собственных духовных принципах. Данилевский глубоко чувствовал своеобразие русского культурного типа. Он не признавал универсализма романо-германской культуры. Он не критиковал западноевропейскую культуру, но отрицал представление о ней, как о едином и единственном типе культуры. Он воспринимал себя стоящим на почве иной культуры, равноправной и равноценной с европейской [*Данилевский* 1995].

Согласно мнению выдающегося английского историка XX в. А. Тойнби, Россия «есть часть общемирового незападного большинства». Русские никогда не принадлежали к западному христианству. «Восточное и западное христианство всегда были чужды друг другу, антипатичны и часто враждебны, что, к несчастью, мы и сегодня наблюдаем в отношениях России с Западом, хотя обе стороны находятся в так называемой постхристианской стадии своей истории» [*Тойнби* 1995, с. 156]. Россия претерпела вызов природы, вызов Азии и вызов Запада. Тяжелые природные условия заставляли ее развиваться экстенсивно, расширяя географические пространства. Ответом на вызов Азии, а именно монгольского нашествия, явилось оседлое земледелие и укрепление православия [*Тойнби* 1991].

* * *

Остановимся коротко еще на нескольких факторах, определивших специфику русского этноса, что во многом и поныне задает характер эволюции России.

Одним из таких факторов являются системные свойства территории расселения русского этноса. В доиндустриальных обществах природная среда играла огромную роль в формировании типа хозяйства, всей системы жизнедеятельности людей, трудовых навыков, умений и т. д. Лучшие результаты опыта, практики закреплялись; формировались этнические традиции освоения территории, трудовой деятельности. Эти традиции не могли не оставить следы в национальном менталитете (в том случае, если данный вид трудовой деятельности, определенные традиции труда становились достоянием широких масс людей). Сложившиеся за многие поколения системы воспитания были ориентированы в первую очередь на формирование работника, обладающего необходимыми для хозяйственной практики данного общества трудовыми навыками и психологическими чертами. Исследования по отдельным народам разных стран показывают, что традиционные системы воспитания даже при изменении типа хозяйства продолжают влиять на формирование трудовых навыков и особенностей психики значительной части населения. Мы имеем дело с нередким случаем инерции этнической традиции. Ее можно использовать или стремиться изжить, но в любом случае необходимо учитывать.

Взаимосвязь особенностей климата, трудовой деятельности и национальных традиций была замечена еще В.О. Ключевским, который писал: «В одном уверен великоросс — что надобно дорожить ясным летним рабочим днем, что природа отпускает ему мало удобного времени для земледельческого труда и что короткое великорусское лето умеет еще укорачиваться безвременным неожиданным ненастьем. Это заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много в короткое время и впору убраться с поля. ...Так, великоросс приучился к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время; но нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии» [Ключевский 1956—1959, т. 1, с. 313—314].

Ставшие стереотипами поведения, словно бы впитанные с молоком матери, эти навыки «рваного», некропотливого, неритмичного труда сказываются на всех видах и родах трудовой деятельности. В свое время один из наших выдающихся ученых И.П. Павлов отмечал, что для русских мало характерны такие качества, как кропотливость, сосредоточенность, последовательность в выполнении задачи. «У нас рекомендуемыми чертами являются не сосредоточенность, а натиск, быстрота, налет. Это, очевидно, мы и считаем признаком талантливости, кропотливость и усидчивость для нас плохо вяжется с представлением о даровитости» [Павлов 1991].

Есть и другие показатели, но все они сводятся к одному: Россия представляет собой континентальную страну с трудно осваиваемыми территориями, суровым климатом, ограниченным доступом к благоприятным океаническим зонам с их дешевыми транспортными артериями, имеет огромную протяжен-

ность, которая, с одной стороны, предоставляет необъятные запасы ресурсов, но, с другой стороны, затрудняет их транспортировку. Однако ведь можно провести сравнения и с теми немногими высокоразвитыми странами, территории которых также расположены преимущественно вне зоны основного расселения человечества (Финляндия, Канада, Норвегия). И тут сравнение результатов экономического развития будет далеко не в пользу России. Более того, трудно найти в литературе какие-либо упоминания о притязаниях этих стран на скидки по поводу суровости климата. Впрочем, есть же свои «прелести» в субтропическом и особенно в тропическом климате.

Несмотря на эти оговорки, следует признать, что в контексте с исторически складывавшимся менталитетом данная географическая среда, приводившая к непредсказуемости результатов труда, действительно явилась существенным фактором, повлиявшим на формирование русского характера.

Наряду с цивилизационно-экономическим и геоклиматическим факторами важную роль в специфичности развития России сыграл этноэкологический фактор, т. е. характер среды формирования и последующего развития этноса.

И первая проблема, которую хотелось бы отметить в этой связи, заключается в степени моноэтничности населения России. Если в Советском Союзе существовали народы разной исторической судьбы, с относительно целостными экономиками, со сложившейся государственностью, с преимущественным преобладанием «титального» этноса — народа на своей территории, то возникшее новое российское государство помимо прочего отличается от бывшего СССР преимущественной моноэтничностью. Здесь ясно и определенно преобладают люди одной культуры и одной исторической судьбы — русские. Теперь по национальной культуре и языку это одно из самых однородных государств мира. Уважая права на культурную самобытность всех народов России, нельзя не учитывать фактора доминирования моноэтничности в государственном строительстве и экономической политике.

На наш взгляд, этнокультурная однородность государства повышает его динамизм, его потенциал в развитии экономики. И малые, и большие народы в качестве базы своего воспроизводства имеют этническую территорию, своеобразную этноэкологическую нишу, основной ресурс сохранения и развития национального языка и культуры. Фактически все быстроразвивающиеся современные государства или мононациональны (как Япония), или имеют в своей основе этническое ядро крупного народа (таким этническим ядром можно считать W.A.S.P. [белые, англосаксы, протестанты] в США). Отход от модели мононационального государства обычно сопряжен с конфликтностью, дополнительными трудностями в развитии. Национальное государство существенно повышает жизнеспособность этноса. Мы, конечно же, имеем в виду не расистское единство «по крови», а общность языка и культуры. Мы учитываем то, что плотность информационных связей внутри объединенных общностью языка и культуры социумов выше, чем между разными этносами. Выдающийся русский гуманист Н.А. Бердяев в 1923 г. писал: «Через государство раскрывает нация все свои потенции. С другой стороны, государство должно иметь национальную основу, хотя племенной состав государства может быть очень сложным и многообразным... Государство, не имеющее национального ядра и национальной идеи, не может иметь творческой жизни» [Бердяев 1990, с. 103].

Информационная экономика и пути развития России

Однако моноэтничность представляет собой лишь одну из характеристик экологической ниши русского этноса, учет же всего их комплекса нашел отражение в работах современного отечественного автора А.А. Сусоколова, который сформулировал этноэкологическую концепцию развития России [Сусоколов 1994]. Особенности политических, социальных и культурных изменений в русском этносе на протяжении XX в. он рассматривает как следствие перехода российской цивилизации от экстенсивного к интенсивному типу. Русский этнос, по всей видимости, единственный на евразийском материке, который на протяжении, по крайней мере шести веков, до середины XIX в. почти непрерывно расширял территорию обитания. Возможность экстенсивного развития этноса на основе неограниченности всех видов ресурсов позволяла постоянно снимать противоречия, вызревавшие внутри каждой его ячейки, не изменяя принципиально его структуры. Так, устойчивость основной ячейки этноса — сельской русской общины — достигалась вследствие оттока «лишних» людей за пределы главной территории расселения этноса.

Экстенсивный характер развития отличал русскую культуру как от культур Западной Европы, где такие возможности были исчерпаны к XII—XIV вв., так и от цивилизаций Юго-Восточной Азии, в частности Китая, Японии, Кореи. Культуры, ставшие сейчас для нас референтными, в течение многих столетий развивались как культуры преимущественно интенсивные.

В конце XX в. русский этнос вступил в принципиально новую стадию своего развития — окончательный переход от экстенсивной к интенсивной модели развития. Главным направлением структурных изменений являются: дифференциация русского этноса, кристаллизация устойчивых групп (территориальных, социальных, этнокультурных), формирование настоящей урбанистской культуры и качественно новых городских локальных субкультур. В целом восприятие основных принципов интенсивной модели русским этносом неизбежно, однако его культура изначально формировалась как экстенсивная, и неизвестно, не приведет ли необходимость перестройки к утрате ее лучших качеств или даже целостности.

Следующий из рассматриваемых факторов — этноконфессиональный. Именно православие внесло решающий и наиболее масштабный вклад в формирование российской культуры вообще и экономической культуры в частности; именно оно создало православный духовный тип «экономического человека», свой особый тип хозяйственного деятеля, тип экономического поведения, свою хозяйственную этику.

Уже цитированный Дж. Биллингтон, рассуждая о сегодняшней России, в своей последней книге «Лики России» справедливо отмечает: «В обстановке нового кризиса политической легитимности и нового *смутного времени* русские вновь обратились к неисчерпаемым богатствам своего культурного прошлого; они вскрыли три забытых пласта, каждый из которых как бы наслаивался один на другой, сохраняя их целостность. Верхний, самый заметный пласт составляла массовая культура конца XIX века с ее богатым литературным и музыкальным наследием, культура политически ангажированной интеллигенции; под ней лежал пласт имперской культуры XVIII века с ее изумительной архитектурой — культуры, сформировавшейся вокруг Санкт-Петербурга и придворной аристократии. *А в фундаменте покоился пласт православной культуры восточных*

славян, центром которой была скорее Москва, чем древний Киев, и которая явилась плодом творчества монахов — первой на Руси и наиболее долговечной культурной элиты (курсив мой — О.Ш.) « [Биллингтон 2001б, с. 25—26].

Православное отношение к труду, собственности, богатству и профессиональной деятельности помогает лучше понять русское своеобразие, выработать свои, российские, формы рынка, оптимально использовать потенциал национальной экономической культуры. Прежде чем (как это обычно делается) сопоставлять хозяйственную этику в православии и протестантизме, следует принять во внимание единство корня христианских вероисповеданий, наличие единых основных принципов хозяйственного этиоса христианства, общих христианских принципов отношения к труду, собственности и богатству.

Все христианские вероисповедания акцентировали внимание на способности человека к творческому труду, его необходимости, что следует из призвания человека в преображении земли, исполнения заповеди творческого освоения и совершенствования мира, данной человеку Богом при сотворении. Исторически именно христианство реабилитировало и возвысило всякие формы труда, и прежде всего хозяйственный труд, труд социальных низов, к которому презрительно относился античный мир.

Однако к сказанному следует добавить, что по христианскому вероучению вследствие грехопадения природа перестает покоряться человеку, и труд превращается из призвания в суровое наказание. Труд входит теперь в царство необходимости — необходимость физического выживания тяготеет над человеком. Это не означает, что труд как творчество вовсе исчезает. Он продолжает существовать, но становится «тяжким благом», соединяя в себе и призвание и наказание.

Отношение христианства, вне зависимости от его толков, к земным благам, в частности к обретению собственности, позитивно, но при принятии принципа, что цель жизни человека прежде всего в искании Царства Божия. Никакие земные блага сами по себе не могут быть достойной целью, христианин не может превращать имущество и богатство из средства в цель. Христианство считает собственность и богатство нейтральными в нравственном отношении. Все определяется внутренними намерениями, побуждениями, которыми руководствуется владелец [Коваль 1994а].

Из сказанного выше следует, что в своем ядре православная хозяйственная этика продуктивна. Откуда же идет ее устойчивая негативная оценка в сравнении прежде всего с протестантизмом? С экономической точки зрения, православная доктрина чаще всего критикуется за «слабость» и «непродуктивность» трудовой этики. Начнем с того, что считается основным достоинством «конкурента» православия — протестантизма. Протестантская этика подразумевает равенство людей на старте, равенство гражданское и тем самым не исключает последующей имущественной, экономической дифференциации, стимулирует на постоянное испытание верующим своей избранности посредством труда и успеха как его следствия. В этом смысле протестантизм органично соответствует рыночным отношениям. Православие же предполагает «равенство на финише», т. е. находится в определенном противоречии с духом капитализма [Мясникова 2000, с. 40—41; Гловели 1993].

Истоки специфичности современной российской хозяйственной этики авторы находят еще в византийской православной традиции. Так, Е.В. Жижко

Информационная экономика и пути развития России

отмечает, что византийское «православие представляет труд как наказание, расплату, следствие греха... Считается, что богатство — грех, а бедность — добродетель...» [*Жижко* 2000, с. 203; см. также *Коваль* 1994б, с. 82; *Зарубина* 2001, с. 100—101; *Фальцман* 2000, с. 47].

Труд в православии со времен Византии оказывался ценным только в связи с тем, что сам его процесс доставлял мастеру удовольствие. Другая возможная составляющая трудовой мотивации (труд как источник прибыли) православной этикой была в значительной степени заблокирована. И действительно, «...к прибыли, полученной от ремесла и торговли, в православном византийском обществе отношение было отрицательным» [*Коваль* 1994б, с. 77].

Здесь необходимо упомянуть и о позитивной стороне воздействия православной этики на отношение русских к способу приобретения и сохранения богатства. Именно православная этика формировала в предпринимательской среде такие качества, как высочайшее доверие к партнеру, верность слову даже в ущерб собственной выгоде, использование беспроцентного кредита, корректное отношение к конкурентам и т. д. [*Афанасьев* 1993; *Платонов* 1992 и др.].

Следует принять во внимание, что помимо этики православия, проповедуемого официальной церковью, значимой традицией в рамках этноконфессионального фактора, сформировавшего современную экономическую культуру русских, являются старообрядчество и сектантство. Секты показали, что в России могут быть созданы хозяйственные типы, близкие западным, но в то же время секты создали лишь маргинальные слои в России.

Многие авторы небезосновательно отмечают, что раскол расчистил путь для продвижения капитализма в России. Старообрядцы стали примером высокой созидательной энергии и культурной инициативы. Принудительное отделение от государства в XVII в. позже часто давало староверам серьезные духовные преимущества перед теми, кто машинально следовал за строго регламентированным империей господствовавшим православием. В противоположность обычно невежественному православному для раскольника, обычно грамотного, церковная книжность была умственной гимнастикой, школой принятия решений на основе личных суждений, необходимой для успеха в торгово-промышленной сфере [*Жунин* 1998, с. 91 — 112].

С экономической точки зрения также интересен пример сект духовных христиан — духоборов и молокан. Как и для раскольников, для них были характерными иная, чем в православии, этика труда и иной духовный тип «экономического человека». Они были ориентированы на «рациональное» ведение хозяйства, т. е. объективно — на развитие буржуазных отношений. Духовные христиане создали оригинальное вероучение и на основе него — свой хозяйственный этос, который позволял им так организовать свою работу и быт, что их уровень жизни был всегда намного выше, чем у их православных соседей [*Коваль* 1994, с. 273; *Коваль* 1993, с. 20-62].

В качестве одной из возможных причин экономического успеха как старообрядцев, так и «духовных христиан» могла быть изгнанность, исключенность этих групп из русской общности [*Зарубина* 2002].

Под влиянием перечисленных (и неперечисленных) факторов и сформировалась русская экономическая культура, отличающаяся высокой устойчивостью и воспроизводимостью своих сущностных черт.

* * *

Лишь как иллюстрацию возможности и надобности выбора модели национального экономического развития с учетом цивилизационных характеристик приведу некоторые результаты собственных исследований 90-х гг. персонала высокотехнологичных производств на предприятиях ВПК. Источником информации служили углубленные интервью руководителей и наиболее образованных и квалифицированных работников.

Полученные материалы дали серьезные основания предположить, что работники ВПК в своей массе отличались склонностью к новаторству, оригинальным решениям и рационализаторству, профессиональной универсальностью, склонностью к риску, быстрой реакцией на смену обстоятельств и способностью к интенсивному труду, т. е. теми качествами, которые характеризуют работников-новаторов и необходимы для прорывного экономического развития. Это обстоятельство может внушать наибольший оптимизм в сложившейся ситуации.

Вместе с тем, следует отметить и те качества, которые в меньшей степени соотносятся с требованиями современной экономики. Например, в число «широко распространенных качеств» русского работника попадает «неприятнь к "выскачкам", быстрому карьерному продвижению», «низкий уровень личных притязаний, честолюбия», «неспособность к монотонному, стереотипному труду», «недостаточная дисциплинированность, собранность, организованность», «избегание, отторжение индивидуальных форм труда», Это еще раз демонстрирует, что достижительно-индивидуалистические ценности играют в жизни и в работе русского человека незначительную роль.

В этой связи полезно обратить внимание на специфическую группу качеств, имеющих, как показало наше исследование, широкое распространение в массе русских работников. Такие качества, как «стремление к совместной, коллективной работе», «чувство причастности к общему делу», «готовность бескорыстно оказать помощь», в соединении со склонностью «подчиниться неформальному лидеру» образуют, на наш взгляд, достаточно компактную, обладающую «стилистическим единством» систему традиционных установок русского работника.

С нашей точки зрения, было бы весьма плодотворным продумать способы «включения» специфических компонент менталитета русских в программу вывода нашей экономики на пути ускоренного развития, нежели стремиться к «беспощадному» искоренению (что все равно явно недостижимо) ядра национальной центральной (по Т. Парсонсу) ценностной системы, что чревато непредсказуемыми и явно разрушительными результатами.

Может быть, методологически более плодотворно было бы обратиться к дальневосточному опыту (Япония, Китай, Южная Корея и т. д.), дающему образец некатастрофичного реформирования, позволяющего смягчить естественное напряжение между «традиционным» и «современным», совместить поток экономических и социальных нововведений с сохранением национальных культурных традиций. Ведь по большому счету в зависимости от того, будет ли выработана искомая макросоциальная технология, мы можем рассчитывать на реализацию тех прогрессивных идей, которые были провозглашены при приходе реформаторов к власти.

Ограничения в развитии России: новый геодетерминизм

Что же касается готовности трудовой элиты нации к подобному историческому повороту, то, исходя из полученных нами данных, ее можно оценить пока достаточно высоко. Важно не упустить время.

Литература

- Афанасьев Э.* О некоторых православных принципах формирования рыночной экономики // Вопросы экономики. 1993. № 8.
- Бердяев Н.* Философия неравенства. М.: ИМА-ПРЕСС, 1990.
- Биллингтон Дж.* Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М.: Рудомино, 2001а.
- Биллингтон Дж.* Лики России. Страдание, надежда и созидание в русской культуре. М.: Логос, 2001б.
- Васильев Л.С.* История Востока. М: Высшая школа, 1994.
- Геллнер Э.* Нации и национализм. Перевод с английского. Редакция и послесловие И.И.Крупника. М.: Прогресс, 1991.
- Гловели Г.* Цивилизационный опыт России: необходимость уточнения // Вопросы экономики. 1993. № 8.
- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. 6-е изд. СПб: Изд-во СПбГУ Глаголь, 1995.
- Жижко Е.В.* Российская трудовая этика в социально-психологическом контексте экономической реформы // Российское общество на рубеже веков: штрихи к портрету / Отв. ред. Бутенко И.А. М.: МОНФ, 2000.
- Жунин М.М.* Просвещенный купец — украшение старой веры // Мир России. 1998. № 3.
- Зарубина Н.Н.* Православный предприниматель в зеркале русской культуры // Общественные науки и современность. 2001, № 5.
- Зарубина Н.Н.* Материалы «круглого стола» // Мир России. 2002. № 1.
- Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура: Пер. с англ. / Под ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ—ВШЭ, 2000.
- Кастельс М., Киселева Э.* Россия и сетевое общество // Мир России. 2000. № 1.
- Китахара А.* Реальность и идеальный образ общины (Япония и Таиланд) // Философские науки. 1996. № 1—6.
- Ключевский В.О.* Сочинения: В 8 т. М.: Госполитиздат, 1956—1959.
- Коваль Т.Е.* «Духовные христиане»: религиозное своеобразие и этика труда // Мир России. 1993. № 1.
- Коваль Т.Е.* Православная этика труда // Мир России. 1994а, № 2.
- Коваль Т.Е.* «Тяжкое благо». Христианская этика труда. Православие. Католицизм. Протестантизм. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994б.
- Колесникова Л., Перекрестов В.* Организационные структуры и культура предпринимательства // Вопросы экономики. 2000. № 8.
- Льюис Р.* Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. Пер. с англ. М.: Изд-во «Дело», 1999.
- Лэйн Д.* Преобразование государственного социализма в России: от «хаотической» экономики к кооперативному капитализму, координируемому государством? // Мир России. 2000. № 1.
- Материалы «круглого стола» «Экономика — язык — культура» // Общественные науки и современность. 2000. № 6; 2001. № 1—5.
- Межуев В.* Традиция самовластия в современной России // Свободная мысль. 2000. № 4.
- Межуев В.М.* Российская цивилизация — утопия или реальность // Постиндустриальный мир и Россия / Отв. ред.: Хорос В.Г., Красильщиков В.А. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. XVIII — начало XX в.: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества, правового государства. Т. 1—2. 2-е изд. СПб.: Дмитрий Булавин, 2000.
- Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: МНЭПУ, 1998.
- Мясникова Л. Российский менталитет и управление // Вопросы экономики. 2000. № 8.
- Нуреев Р.М. Экономический строй докапиталистических формаций. Душанбе: «Дониш», 1989.
- Павлов И. О русском уме // Литературная газета. 1991. № 30.
- Пайнс Р. Собственность и свобода. М.: Московская школа политических исследований, 2000.
- Пастухов В.Б. Посткоммунизм как логическая фаза развития евразийской цивилизации // Полис. 1992. № 5-6.
- Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская власть, русская система, русская история // Красные холмы: Альманах. М.: Издательский дом «Городская собственность», 1999а.
- Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская Система и реформы // Pro et Contra. Т. 4. 1999б, № 4.
- Пивоваров Ю. С. Николай Данилевский: в русской культуре и в мировой науке // Мир России. 1992. № 1.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская система» как попытка понимания русской истории // ПОЛИС. 2001. №4.
- Пименов А.В. Дряхлый Восток и светлое будущее // Мир России. 1999. № 1—2.
- Платонов О.А. Русская цивилизация. М.: Рада, 1992.
- Пронников В.А., Ладанов И.Д. Японцы. М.: Наука, 1983.
- Рих А. Хозяйственная этика: Пер. с нем. М.: Посев, 1996.
- Сакаия Т. Что такое Япония? М.: Партнер Ко Лтд, 1992.
- Сусоколов А.А. Русский этнос в XX веке: этапы кризиса экстенсивной культуры // Мир России. 1994. № 2.
- Тойнби А. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991.
- Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. СПб: ЮВЕНТА, 1995.
- Фальцман В. Российское предпринимательство с позиций христианской морали // Вопросы экономики. 2000. № 8.
- Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // ПОЛИС. 1994. № 1.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и Россия // Московские новости. 1995. № 5. 22—29 янв.
- Чубайс И. Россия в поисках себя. Как мы преодолеем идейный кризис. М.: Изд-во НОК «Музей бумаги», 1998.
- Чубайс К.Б. Как преодолеть идентификационный кризис. Россия в XXI веке // Мир России. 2000. № 2.
- Шкаратан О.И. Тип общества, тип социальных отношений // Мир России. 2000, № 2.
- Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т.1.Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993.
- Яковенко И. В чем ошибся Хантингтон? Монолог культуролога // Знание — сила. 2002. № 1.
- Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. II. The Power of Identity. Oxford: Blackwell Publishers, 1997.
- Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. III. End of Millennium. Oxford, 1998.
- Fukuyama F. The End of History and the Last Man. L.; N.Y., 1992.
- Fukuyama F. Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N.Y.: Free Press, 1996.
- Hofstede G. Culture's Consequences: Intern Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, L., 1980.
- Inkeles A. National Differences in Individual Modernity // Comparative Studies in Sociology. Vol. 1. JAI Press, Inc., 1978.

Информационная экономика и пути развития России

- Inkeles A., Diamond L.* Personal Development and National Development: A Cross-National Perspectives // Quality of Life: Comparative Studies / Ed. by Szalai A. & Andrews F.M. L.: Sage Publications, 1980.
- Inkeles A., Smith D.M.* Becoming Modern: Individual Change in Six Developing Countries. 3rd ed. Cambridge, MA.: Harvard University Press, 1982.
- Laura J., Spence L.J.* Multinational Interview Decisions: Integrity Capacity and Competing Values // Human Resource Management Journal. L., 2000. Vol. 10.
- McClelland B.C., Winter D.G.* Motivating Economic Achievement. Accelerating Economic Development Through Psychological Training. N.Y., 1960.
- Merritt A.* Culture in the Cockpit: Do Hofstede's Dimensions Replicate? // Journal of Cross-Cultural Psychology. Thousand Oaks. May 2000. Vol. 31.
- Murphy W.H.* Hofstede's National Culture as a Guide for Sales Practices Across Countries: The Case of a MNC's Sales Practices in Australia and New Zealand // Australian Journal of Management. Sydney; Jun 1999. Vol. 24.
- Shkaratan O.* Human Resources, the Military-Industrial Complex and the Possibilities for Technological Innovations in Russia // International Journal of Technology Management. 1994. V.79. №3/4.
- Sorokin P.* Social Philosophies of an Age Crisis. Boston, 1951.